

Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства

Территориальные перемещения становятся не только и не столько способом выживания, но и импульсом для распространения и «сборки» людей, капиталов, информации, навыков в новые социальные конфигурации | **СЕРГЕЙ АБАШИН**

Перемещение большого количества людей из Центральной Азии в Россию стало неожиданностью для экспертов и политиков. Я помню еще советские дискуссии 1980-х годов о том, почему жители «южных республик» неохотно выезжают за пределы своего региона. Невысокая, даже по советским меркам, тяга узбеков, таджиков и киргизов к добровольной мобильности была объявлена их врожденной и неисправимой культурной привязанностью к семье, общине и жаркому климату. Однако все эти объяснения оказались опровергнуты спустя всего лишь пару десятилетий, когда миллионы выходцев из региона вдруг оказались в российских городах.

Современная дискуссия о движении из Центральной Азии в Россию разворачивается в основном вокруг темы, хорошо ли это и нужно ли — или плохо и не нужно. Чрезмерная политизация этих обсуждений не позволяет в достаточной мере отстра-

ниться от идеологических предпочтений и взглянуть на происходящее в более широкой временной и пространственной перспективе. Поэтому в данной статье я хочу выполнить простую задачу — поместить наблюдаемые процессы в некоторую историческую последовательность, увидеть их этапы, классифицировать обстоятельства и создаваемые ими практики и идентичности.

Две постсоветские волны

Ниже в нескольких словах охарактеризована современная история движений из стран Центральной Азии в Россию, которые сильно активизировались еще в 1990-е годы. Вновь возникшие, преобразовавшиеся из бывших советских республик государства основывали свою легитимность на национальном нарративе возрождения и освобождения титульного народа. Неизбежным следствием такого идеологического сдвига стало масштабное переселение людей в

страны, которые они считали «своими»: русские (а также татары, чеченцы и ингуши) уезжали в Россию, украинцы (а также крымские татары) — в Украину, немцы — в Германию, евреи (даже бухарские евреи) — в Израиль. Дополнительными выталкивающими факторами были тяжелый экономический кризис, который охватил все постсоветские страны, и политическая нестабильность, которая особенно остро проявилась в Таджикистане, где началась гражданская война.

Отмечу тот важный факт, что выезд так называемого нетитульного населения из Центральной Азии в Россию не был спровоцирован распадом СССР, а начался задолго до этого. Уже в 1970–1980-е годы количество выезжающих превысило количество въезжающих¹. Всплеск выезда произошел в 1990-м, накануне распада СССР, а пика достиг в 1994 году. После чего масштабы выезда постепенно, с некоторыми колебаниями, снижались, но сама тенденция оставалась устойчивой на протяжении и 1990-х, и 2000-х годов. Всего в 1990-е годы Центральную Азию покинули около 2–2,5 млн человек.

Это движение из Центральной Азии в Россию (и другие страны) в 1990-е имело несколько особенностей.

Во-первых, оно носило, как отмечалось выше, в значительной мере этнически-ориентированный характер: выезжали из региона главным образом представители «нетитульных» национальностей, причем в самом начале 1990-х процесс имел, можно сказать, паническое развитие. Соответственно, очень часто в качестве мотива покидающие Среднюю Азию называли либо присоединение к «своему» национальному государству, либо бегство от притеснения в «чужом» национальном государстве. Даже если конкретный человек не имел никаких постоянных связей с «исторической родиной» и не испытывал реальной дискриминации, его решение о

переезде нередко диктовалось дискурсивным принуждением, типичными были такие высказывания: «все едут, значит, и мы должны ехать», «ситуация здесь будет только хуже, поэтому надо уезжать ради детей», «наша родина не здесь, поэтому надо уезжать»².

Во-вторых, уезжали главным образом городские жители с хорошей квалификацией. Это обстоятельство задавало высокие требования к условиям обустройства на новом месте и нередко создавало глубокую травму, связанную с необходимостью жить в каком-нибудь провинциальном российском городке и с понижением своего социального статуса.

В-третьих, это масштабное перемещение было преимущественно невозвратным — люди уезжали в Россию на постоянное место проживания и получали российское гражданство.

Наконец, в-четвертых, переезд не сопровождался никакими специальными государственными мерами ассимиляции и интеграции в стране приема. Оказавшись на «исторической родине», приехавшие быстро растворялись в основной массе местного населения, теряли свою «центральноазиатскую» специфику и не образовывали никаких «диаспоральных» сообществ. Случаи конфликта между местными и приезжими, а также примеры культивирования ностальгии по Центральной Азии, конечно, имели место, но были редки. Несмотря на болезненность этих процессов, в целом миграция 1990-х годов не привлекала общественного внимания, не осмысливалась как политическая проблема в России, требующая контроля и регулирования.

На рубеже 1990–2000-х в перемещениях из стран Центральной Азии в Россию обозначились новые тенденции. Хотя отток «нетитульного» населения продолжался, появилась и стала быстро нарастать тяга к движению и у представителей «титульной» нации. Между этими двумя процессами, безусловно, была прямая связь. Массовое перемещение людей

из одного региона бывшего СССР в другие привело к освоению и даже созданию целой инфраструктуры движения — практик перемещения через границы, распространения информации и обмена опытом, сетей поддержки в новой среде. Первые приезжие из числа «титulyных» народов использовали сохранившиеся дружеские и нередко родственные связи с уехавшими прежде представителями «нетитulyных» сообществ. В моих разговорах с теми и другими постоянно возникали примеры, когда вместе они создавали

наты попытки, правда неудачные, планового переселения жителей Центральной Азии в Россию и создания для них условий для постоянного семейного проживания³.

Кризис, который поразил Россию и страны Центральной Азии в начале 1990-х, после распада СССР, сделал идею контролируемого переселения рабочей силы бессмысленной, так как экономика резко упала и потребность в дополнительных рабочих руках исчезла. Быстрое экономическое восстановление России после 1998 года вкупе с продолжав-

“Миграция 1990-х годов не привлекала общественного внимания, не осмысливалась как политическая проблема в России, требующая **контроля и регулирования**”.

какой-то бизнес в России, помогали друг другу в устройстве на работу и поиске жилья, выступали в роли гарантов и свидетелей в случае контактов с полицией и т. д. Движение первой волны 1990-х, таким образом, в какой-то мере способствовало движению второй волны 2000-х.

При этом не надо забывать, что движение второй волны также имеет советскую предысторию. Уже в 1970–1980-е была сформулирована «проблема перенаселенности» Центральной Азии в результате быстрого демографического роста в этой части СССР, и тогда же было предложено решать эту «проблему» путем постепенного переселения «избыточного» сельского населения Центральной Азии в Россию, где уже в то время намечился демографический спад. Это перемещение поначалу имело временный характер — набор рабочих по вахтовому графику (сюда же можно отнести и «стройки», или военно-строительные отряды, которые комплектовались в значительной мере центральноазиатскими призывниками и работали как на оборонных, так и на гражданских объектах). В 1980-е были предпри-

шимся сокращением общей численности населения и его трудоспособной части к середине 2000-х опять создало ситуацию относительного дефицита рабочей силы на российском рынке труда. Это вызвало эффект притяжения рабочей силы прежде всего из бывших советских республик, которые сохранили безвизовый режим въезда в Россию, а также многие общие культурные привычки и навыки общения, включая русский язык.

Из стран Центральной Азии первыми двинулись жители самых бедных государств — Таджикистана и Кыргызстана, не имеющих собственных сырьевых отраслей; в обеих странах политическая нестабильность привела к глубокому экономическому упадку. Чуть позднее, в середине 2000-х, к ним присоединились жители Узбекистана, страны относительно богатой сырьем, но значительно перенаселенной. Казахстан скорее оказался в положении России: растущая на сырьевой основе экономика сама сформировала запрос на притяжение, а не выталкивание рабочей силы. В Туркменистане же экономический рост на сырьевой базе был обеспечен собственной избыточной рабочей силой.

По официальным данным Федеральной миграционной службы России, осенью 2013 года на территории страны одновременно находились около 4,5 млн выходцев из стран Центральной Азии. Примерно 4 млн из них относятся к рассматриваемой мною категории «титульного» населения⁴.

Движение 2000-х годов имеет несколько существенных особенностей, которые отличают его от 1990-х.

Во-первых, как было отмечено, оно чаще всего мотивировано экономическими причинами и связано с поисками заработка.

“Для большинства выходцев из Центральной Азии ассимиляция или интеграция в российское общество не является стратегической задачей”.

Во-вторых, преимущественно экономический характер движения обуславливает основные социальные характеристики самих мигрантов. Это в большинстве своем сельские жители или жители небольших городов, малоквалифицированная рабочая сила, то есть те, кому сложнее найти работу с хорошим заработком у себя дома. Преимущественно это мужчины трудоспособного возраста, с очень большой долей молодых.

По мере того как поездки на заработки за границу и денежные переводы домой становятся частью повседневной жизни и необходимым элементом социального статуса и социальных связей, происходит некоторая диверсификация стратегий, мотиваций и участников. Возрастает доля представителей среднего класса, которые выезжают за пределы страны для открытия собственного бизнеса. Кроме того, возрастает доля женщин, часть из которых едет, как и мужчины, за заработками, часть — вслед за мужьями и потенциальными брачными партнерами. Расширяется список стран, куда люди выезжа-

ют. Сугубо экономическая мотивация дополняется другими соображениями, такими как социальная мобильность, освоение профессиональных навыков и получение образования, поддержание социальных отношений⁵.

В-третьих, те, кто выезжает в Россию, как правило, не имеют в виду перебраться сюда на постоянное жительство. Большинство выходцев из Центральной Азии сохраняют гражданство своих стран и с разной регулярностью возвращаются на родину, часто с тем, чтобы снова отправиться за границу на заработки. У большинства семьи остаются дома,

а зарабатываемые средства они отправляют на их содержание, на повседневные нужды родственников, ремонт или строительство нового дома, приобретение предметов престижа, проведение разного рода социально-престижных публичных ритуалов (свадьбы, празднества по случаю обрезания сыновей, разного рода религиозные мероприятия), оплату лечения и учебы. Даже те выходцы из Центральной Азии, которые фактически большую часть времени находятся в России и редко выезжают в страну исхода, продолжают считать свое состояние «временным», поддерживают тесную связь с семьей и исходят из того, что рано или поздно вернуться на родину.

В-четвертых, из сказанного выше вытекает, что для большинства выходцев из Центральной Азии «ассимиляция или интеграция» в российское общество не является стратегической задачей. Значительная их часть входит в разнообразные сети, которые построены по родственному, земляческому или этническому принципу. Внутри этих сетей они воспроизводят многие «домашние»

практики, приспособленные к условиям перемещения и временного проживания. В сетевых сообществах создается своя собственная инфраструктура доверия, помощи, оказания тех или иных услуг, проведения досуга.

Постколониальность и глобализм

Почему движение из Центральной Азии в Россию вдруг стало важным элементом жизненных стратегий значительной массы населения? Ответ не так очевиден, как кажется. Конечно, крушение советской системы привело к демонтажу всей прежней социальной и экономической политики, которая удерживала население на своем месте разного рода ограничениями — пропиской и принудительными мерами, с одной стороны, а также инвестициями в порой убыточное производство и социальные программы — с другой. Резкое, почти катастрофическое падение уровня жизни, неопределенность жизненных перспектив и периодически возникающие политические катаклизмы не могли не спровоцировать поток желающих найти новое благополучие и новую устойчивость за пределами собственной страны. Безработица и ничтожно маленькие зарплаты и пенсии выталкивают людей на новые рынки труда туда, где даже небольшие, по тамошним меркам, доходы оказываются намного выше тех, на которые можно рассчитывать в своей стране.

Такой подход к движению как результату деградации объясняет спусковые механизмы процессов, но упрощает, на мой взгляд, картину происходящего в целом. В результате неверно выстраивается перспектива, и многие важные факторы остаются без внимания. Если взглянуть на рост мобильности населения в Центральной Азии в более широком контексте, то окажется, что масштабы, дальность и регулярность движения растут на всем постсоветском пространстве, а также в мире в целом. Кроме того, наблюдается безусловная связь между мобильностью и

современной стадией развития капитализма, которую иногда называют глобализацией, иногда постиндустриализмом, иногда постмодерном. С этой точки зрения, центральноазиатская ситуация предстает в несколько ином свете, нежели просто отражение бедственного состояния дел в странах, недавно получивших независимость. Территориальные перемещения становятся не только и не столько способом выживания, но и импульсом для распространения и «сборки» людей, капиталов, информации, навыков в новые социальные конфигурации. Последние имеют логику и смыслы, которые не зависят напрямую от особенностей той или иной конкретной страны, а подчиняются более широкому закономерностям.

Какие же дополнительные объяснения — помимо реакции на постсоветскую деградацию — можно найти перемещениям большого количества населения из Центральной Азии?

Представляется, что этот процесс можно описать как инерцию тех связей и взаимных зависимостей между Центральной Азией и Россией, которые складывались и укреплялись на протяжении как минимум полутора столетий существования в едином государстве. Обычно такого рода отношения характеризуются как имперские или, если хотят подчеркнуть неравенство, колониальные⁶. Принято считать, что империи неизбежно распадаются, а им на смену приходят освобожденные нации. В этой простой телеологической схеме, которая сегодня господствует в постсоветских странах, многое не до конца ясно, а одним из самых спорных является вопрос, который задают многие постколониальные критики: действительно ли империя исчезла или она приняла новые формы, где нации, то есть созданные самой империей конструкторы, выполняют прежние функции окраин, по-прежнему перекачивая в бывшие метрополии ресурсы и получая взамен покровительство и контроль. Если

признать последнее, а оснований для этого немало, то тогда и массовое движение людей из Центральной Азии в Москву, Петербург и другие российские земли выглядит как постимперская ситуация, где продолжается, приобретая другие темпы и векторы, циркуляция рабочих рук, денег, практик, представлений и информации. Это движение по-новому фиксирует разделение труда между прежними «центром» и «окраинами», их иерархию и взаимную потребность друг в друге, даже если в риторике господствует резкое отторжение.

“Движение людей, становясь важной характеристикой (пост)современности, не меняет общественное устройство; оно остается иерархическим и антагонистическим”.

Еще одно объяснение, почему массы людей перемещаются из Центральной Азии, тоже достаточно очевидно, хотя на него мало обращают внимания. Как отмечено выше, значительную, если не основную, долю масштабной мобильности составляет выезд сельских жителей на заработки за границу. Иными словами, речь идет о весьма классическом процессе пролетаризации до сих пор преимущественно аграрного центральноазиатского общества. Советская модернизация пыталась по-своему организовать этот процесс, постепенно превращая местных жителей в сельскохозяйственный рабочий класс. При этом в качестве своеобразной компенсации за полупринудительный труд в регионе сохранялся частный аграрный сектор и соответствующие ему сельские практики, отношения и мировосприятие. Крушение СССР означало, в частности, и крах такой модели трансформации. После чего неизбежной стала стандартная версия капиталистического развития с разорением крестьянства, его обнищанием и исходом в города, где крестьяне становятся наемными работниками и под-

вергаются нещадной эксплуатации. Иначе говоря, то, что воспринимается как деградация, является, по сути дела, сменой социально-экономического порядка, — но не возвращением к каким-то прежним укладам, как это иногда кажется, а вхождением в совершенно новую форму общежития.

Пролетаризация не является предметом обсуждения, в частности, потому что ее ход и эффекты скрыты в сугубо национальном взгляде на движения. В странах исхода уехавшие считаются либо предателями нации, либо жертвами, либо добытчиками дохода.

В странах прихода их рассматривают как несущих угрозу чужаков или опять же жертв. Акцент, часто культурный и расовый, на том, что они уехали или приехали, становится важнее, чем социальная суть движения⁷. Тем не менее, как только мы снимаем с себя национальные очки, мы без труда распознаем классовый характер мобильности. Специфика состоит лишь в том, что система, в которой происходит классовое взаимодействие, не ограничена рамками стран и даже регионов, а имеет наднациональный масштаб. Эта система включает в себя в первую очередь постсоветское пространство как наиболее близкое и понятное, уже имеющее, как было сказано, историю единого существования и неравных отношений господства и подчинения между «центром» и «окраиной». Но мобильность уже выходит и за постсоветские рамки, распространяясь на новые пространства глобального капитализма и вписываясь в мировой порядок.

Другой смысл движения в Центральной Азии, о котором хотелось бы сказать, — это освоение и присвоение глобального про-

странства, инфраструктур и технологий коммуникации и транспорта, которые сами по себе задают импульсы и траектории движения. Например, легкость, с которой можно в короткий срок достигнуть другого конца света и получить доступ к каким-то новым благам, сама по себе толкает людей к путешествию. Сюда я добавил бы освоение технологий получения информации о мире и коммуникации на большом расстоянии. С их помощью создаются и поддерживаются образы и сети связей, которые также включены в процессы движения и обеспечивают его устойчивость, направление и обратимость. В более широком смысле я бы также включил сюда не только телефоны, интернет, автомобили и самолеты, но знание языков, усвоение глобальных стандартов в еде и одежде, правил поиска работы и так далее. По мере того как в Центральную Азию проникают технологии и инфраструктуры такого рода, у жителей региона формируются соответствующие привычки и возникает потребность в мобильности, которая порой воспринимается не только как необходимость, но и как удовольствие.

Наконец, для интерпретации современных перемещений я бы предложил использовать понятие «переселение народов». Несмотря на то что аналогии между очень разными историческими эпохами неизбежно рискованны, мне представляется важным указать на временную глубину, преемственность и цикличность движений. А с другой стороны — на постепенные тектонические сдвиги в распределении культур, языков и даже генетических особенностей, — сдвиги, которые не всегда видны в горизонте нескольких десятилетий. Мне кажется, что надо видеть и эту перспективу, поскольку в ней происходят новые массовые смешения и гибридизации, конструируются новые культурные типы и предпочтения, формируются новые сообщества и идентичности. Браки местных и приезжих, дети при-

езжих, которые рождаются и растут на новой земле и говорят на языке местных жителей, перемещение (туда и обратно) вслед за приезжими музыкальных и пищевых вкусов, которые становятся новой модой и т. д. — все это отдельные и сиюминутные симптомы таких трансформаций. Они собираются вместе и образуют глобальные тенденции, которые становятся видны по прошествии какого-то времени и лишь на дистанции от хаоса настоящего момента. Неочевидность этого тектонического сдвига и неясность его последствий не означает, тем не менее, что мы не ощущаем (иногда в виде неясных и иррациональных беспокойств) неизбежности самого этого процесса: появления совершенно новых культурных форм, приобретающих свою собственную силу и логику.

«Мигрантскость» и нелегальность

Парадокс нынешней эпохи состоит в том, что чем более масштабным и быстрым становится движение людей, тем больше в обществах и странах создается правовых, политических, социальных, культурных и прочих регламентов, с помощью которых мобильность регулируется. Движение, становясь важной характеристикой (пост)современности, не меняет общественное устройство, которое остается иерархическим и антагонистическим. Но движение придает этим иерархиям и антагонизмам еще одно, «мигрантское», измерение, которое учитывается при распределении статусов, богатств и возможностей. Точнее говоря, этих изменений много, и я попытаюсь их обозначить, отталкиваясь от предложенной выше классификации причин, которые определяют рост мобильности.

Самой очевидной является постимперская, или постколониальная, ситуация. В ней сохраняются бывшие различия между «центром» и «окраинами», однако если в прошлом они имели осозаемую и измеряемую террито-

риальную величину, то теперь ее потеряли. Части бывшей единой империи, сросшиеся за многие десятилетия и века, и после распада единого государства по-прежнему нуждаются друг в друге — в ресурсах, финансах, рабочих руках, военной поддержке, технологиях и идеях — для поддержания собственного существования и легитимности. Взаимная зависимость имеет неизбежно, как и прежде, свои диспропорции, которые после конца СССР не только не уменьшились, но во многих отношениях стали даже более значительными. В прошлом единое российское подданство, а затем советское гражданство служили инструментом колонизации и русификации, но, помимо подчинения, они несли дополнительные модернизационные и эмансипаторские последствия и эффекты. В условиях же, когда из Центральной Азии жители потянулись в Россию, отсутствие общего гражданства и вообще лишение приезжих из этого региона какого-либо устойчивого правового статуса стало новой стратегией господства заново переопределенного «центра» над жителями центральноазиатской «окраины». Преведенная просветительская и культуртрегерская политика окончательно уступила место прагматичному расчету, где подобным задачам уже больше нет места.

Новым средством колонизации стал статус и ярлык «мигранта», вместо прежних «иностранца» и «нацмена». «Мигрантскость» (негативно удвоенная ярлыком «нелегальности») в разных своих формах сопровождает большинство выходцев из Центральной Азии на протяжении всего их путешествия в Россию и другие страны. При этом она одновременно является и средством сверхэксплуатации, и заменой расстояния, которое в прошлом отделяло жителей «центра» от населения «окраин» и создавало между ними неформальные отношения «старших» и «младших», на новый способ отдаления. Упрек в «мигрантскости» и «нелегальности» сопрово-

ждается стремлением сделать все возможное, чтобы сохранить эту серую зону, которая является условием постколониальной заботы и подчинения. Конечно, для «нелегального мигранта» остается возможность стать гражданином и даже занять высокие позиции в новой ситуации, как когда-то «иностранец» и «нацмен» могли стать царским генералом или членом ЦК, но этот путь требует сверхусилий, преодоления многочисленных преград и постоянного доказательства собственной лояльности.

Пролетаризация центральноазиатских сельских жителей совершается не просто как движение из деревни в город, но еще и как движение из одной страны в другую. Это приводит к двойной эксплуатации «мигрантов» как наемных работников и одновременно бесправных иностранцев. Причем совмещение двух социальных ролей мешает осознать классовый характер такого рода отношений.

В России, где «мигранты» работают и создают прибавочную стоимость, их рассматривают как «гастарбайтеров» и «рабов», которые не являются электоральной силой, будто бы мешают местной экономике развиваться, искажают рынок труда своими низкими зарплатами, увеличивают криминальность, то есть создают массу «проблем» и «угроз». Вопрос об их собственных социальных правах редко обсуждается в качестве приоритета. Даже местные левые партии не готовы признать в них свою аудиторию, о правах которой стоило бы заботиться и чьей классовой мобилизацией заниматься. В самой Центральной Азии, куда «мигранты» возвращаются с заработанными средствами, они также не воспринимают себя и не воспринимаются окружающими в качестве отдельной социальной группы эксплуатируемых рабочих. Скорее на них смотрят как на очень разнородную массу предпринимателей — удачливых и не очень, которые совершили некую коммерческую сделку где-то за рубе-

жом. У себя дома такие «гастарбайтеры» старательно поддерживают и воспроизводят все престижные атрибуты сельских богачей, членов общины и сторонников «традиционного» уклада⁸.

Здесь хотелось бы еще раз уточнить один важный пункт. Смысл движения не ограничивается исключительно превращением сельских жителей в городской рабочий класс. В нем участвуют и представители бизнеса, которые пытаются сохранить свои накопления и капитализировать их за границей, и городская образованная молодежь, надеющая

Формирование иерархий начинается с момента принятия решения, когда выясняется, кто обладает личными качествами и состоянием, необходимыми для того, чтобы отправиться в дальнюю дорогу. Это решение предопределяет, кто будет кормильцем, а кто иждивенцем, кто при всех повышенных рисках получит больше символических и моральных бонусов и как в будущем распределятся роли и статусы в семье и общине. В зависимости от наличия средств и навыков выезжающий выбирает между стратегиями индивидуального поиска счастья или же, чаще,

“Пролетаризация центральноазиатских сельских жителей совершается не просто как движение из деревни в город, но еще и как движение из одной страны в другую”.

яся войти в когорту «белых воротничков», и деятели культуры и науки, которые ищут свободы творчества и признания в других странах и т. д. Но эти слои центральноазиатского населения часто остаются незамеченными в публичных фобиях, не выделяются в качестве «гастарбайтеров», а иногда даже занимают вполне высокостатусные позиции в новом обществе. Однако подчинение «мигрантов» имеет свою, не только классовую, логику, поэтому любой, кто попадает в их число, рискует быть приписанным вместе с наемными работниками к одной общей «проблемной» категории.

Следующий фактор, который связан с доступом к инфраструктурам и технологиям мобильности, также создает свои разграничения и иерархии. Последние связаны с умениями, навыками, психофизическими возможностями и в особенности с наличием необходимых финансов и связей, которые позволяют получить этот доступ. Важным фактором является количество посредников между человеком и средствами мобильности.

включения в сети. Внутри сетей каждому отводится определенное место и налагаются строгие ограничения на любые проявления самостоятельности. Сеть является посредником между человеком и технологиями, она дает ему деньги на первые шаги, она его охраняет и страхует, она объясняет, какие действия ему следует совершить. Социальная сеть, которая ведет человека по проторенной колее, дает гарантии и утверждает привычный порядок отношений, воспроизводит собственные формы господства и подчинения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, первопроходцами и последователями, «шустрыми» и «ведомыми». Парадоксальным образом технологии и инфраструктуры глобализации для многих оказываются способом воспроизводства и даже усиления локальных практик и убеждений.

Следует также заметить, что сеть, определяющая, что и как должен делать каждый из ее участников, усугубляет стигматизацию последних в качестве «нелегальных мигрантов» и «гастарбайтеров». Попадая в сеть, человек сразу оказывается в той социальной

нише, которая заранее задает набор обязательств и прав, символов и идентичностей. Выходец из Центральной Азии, которого старший родственник или знакомый сажает в самолет, затем везет к месту работы и так далее, обречен быть «мигрантом» — других путей у него практически не остается.

И, наконец, переселение народов. Выше говорилось о том, что этот процесс приводит к изобретению и возвращению новых гибридных культурных форм и типов. При этом конструирование и материализация этих форм и типов происходит через выстраивание иерархий, приписывание к определенным — высшим или низшим — позициям в общественных классификациях, применение целого набора правил и техник признания и исключения. В частности, в этих процессах отсылки к «культуре», «религии» и «расе» — по отдельности или в различных совместных комбинациях — превращаются в необходимый атрибут выделения «мигрантов» в отдельную категорию движущихся людей.

«Мигрант» — это тот, кто обязательно наделен признаками «чужого»⁹. «Чужими» являются его физический облик, вера и религиозные практики, культурные привычки. Выходцы из Центральной Азии, будь то с европеоидными или монголоидными чертами лица, таким образом, становятся, в глазах многих политиков, особенно националистического лагеря, «черными»; центральноазиатским культурам, которые почти полтора столетия переживали масштабную модернизацию внутри Российской империи и Советского Союза, приписывается чуть ли не первобытная или феодальная архаичность; центральноазиатский ислам, который только-только заново воссоздается после атеистической эпохи и несет на себе печать эклектики и внутренней противоречивости, с точки зрения и консерваторов, и либералов, уже выглядит как часть гомогенной «мировой угрозы», которую они нередко приписывают

исламу в целом. Дискурсивная расиализация, культурная и религиозная стигматизация, которой подвергается значительная часть перемещающихся между странами людей, оказываются условием вхождения в новую среду постоянного движения. Новые обобщающие идентичности и унижительные клички легитимируют, пусть даже негативным образом, совершающееся перераспределение пространства. При этом наделение тем или иным правовым, профессиональным или классовым статусом ставится в зависимость от культурных и биологических характеристик. Эссенциализация последних усиливается и выходит с уровня отдельных стран и регионов на глобальный уровень.

Распад СССР совпал с наступлением новой эпохи глобальных трансформаций, точнее сам распад был их частью, результатом и одним из сопутствующих условий. Если мы видим и понимаем этапы, тенденции и направления этих изменений, то можем оценить, каким образом более частные процессы вписываются в новую модель мироустройства. Трансграничные перемещения людей внутри бывшего СССР, в том числе из Центральной Азии в Россию, являются, судя по всему, не только временной реакцией на трудности и не результатом злой воли или управленческих ошибок, а вполне необходимым и, не побоюсь некоторого фатализма, неизбежным следствием пересборки сложившихся конфигураций пространств, темпоральностей, технологий, социальных иерархий и представлений. Принять этот факт не означает отказаться от обсуждения возможных сценариев развития процессов и попыток влиять на них. Однако в этой дискуссии должен присутствовать и более широкий горизонт событий и прогнозов, не сводимый к сиюминутным желаниям и интересам. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Rahmonova-Schwarz D.* Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia: Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. Baden-Baden: Nomos, 2012. P. 60–61.

² *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: Адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. С. 84.

³ *Rahmonova-Schwarz D.* Op. cit. P. 66–68.

⁴ Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 13 ноября 2013 г.). (<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>). Ещё порядка 0,5 млн выходцев (титულных национальностей) из Центральной Азии получили российское гражданство.

⁵ Недостаточность экономического объяснения хорошо видна в антропологических исследованиях, которые вскрывают сложную и противоречивую мотивацию людей, отправляющихся или не отправляющихся в путь. См., например: *Рувз М.* По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4. С. 262–280.

⁶ *Адамс Л.* Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4. С. 25–36.

⁷ Интересно, что об этом применительно именно к Центральной Азии писал не кто иной, как Иммануил Валлерстайн, создатель концепции мир-системы. За 20 лет до распада СССР он предсказывал массовое движение центральноазиатских жителей в российские города: *Wallerstein I.* The Two Modes of Ethnic Consciousness: Soviet Central Asia in Transition // *The Nationality Question in Soviet Central Asia* / E. Allworth (ed.). Praeger Publisher, 1973. P. 168–175.

⁸ Российские эксперты сосредоточили свое внимание на том, что с «мигрантами» происходит в России, но очень мало знают о том, как «мигранты» живут после возвращения домой. См. редкий пример исследования в стране исхода: *Зотова Н.А.* Кишлак у реки: Опыт исследования миграционных процессов на примере одного поселения // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 54, 56–58.

⁹ *Шнифельман В.* Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. Т. 2. М.: НЛО, 2011. Гл. 3.